ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ
МОСКВА

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР

МОСКОВСКОМУ ХУДОЖЕСТВЕННОМУ АКАДЕМИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ СССР ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО — 90 ЛЕТ

ВОСЕМЬДЕСЯТ лет назад, осенью, в Москве произошло событие огромной важности — открылся новый театр, создание которого было насущной потребностью русской культурной жизни. Еще великий драматург А. Н. Островский в своей известной «Записке», опубликованной в 1882 году, призывал: «У нас есть русская школа живописи, есть русская музыка, позволительно нам желать и русской школы драматического искусства... Национальный театр есть признак совершеннолетия нации, так же как и академии, университеты, музеи».

Итак, 14 (26) октября премьерой трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович» началась жизнь Московского Художественно-общедоступного театра, и это раннее название театра говорило о его высоких устремлениях, о его главных целях и задачах.

С тех пор прошло восемь десятков лет. Сегодня невозможно представить Москву без МХАТа. Сегодня всем известны имена его великих основателей — Станиславского и Немировича-Данченко, его прекрасных актеров, и среди них — Москвина, Качалова, Лилиной, Книппер-Чеховой...

Неоспоримо огромное значение учения Станиславского, спектаклей МХАТа для развития театрального искусства не только в нашей стране, но и во всем мире, в истории культуры вообще, в духовном формировании многих поколений.

А недавно мы с радостью узнали, что на знамени великого театра накануне его восьмидесятилетия появился еще один орден — орден Октябрьской Революции.

С признательностью говорят о МХАТе СССР имени М. Горького, о его спектаклях люди самых разных профессий и возрастов. Некоторых из них «Литературная Россия» попросила поделиться своими мыслями и воспоминаниями о любимом театре в связи с его юбилеем.

Юрий НАГИБИН

ДАЛ МНЕ ДУШУ

Я ХОРОШО помню, как это началось. Мне еще не было семи, когда мать моего закадычного друга повела нас в Художественный театр на «Синюю птицу». С этого апрельского утра начался для меня новый отсчет времени. Я вошел в театр одним человеком, а вышел совсем другим. Я был трезвый реалист, маленький дворовый хулиган и драчун, нацеленный лишь на вещественное в жизни: пугачи с пробками, цветные карандаши, акварельные краски на круглой картонке с дыркой для большого пальца, орехи, мороженое, конфеты, а которых больше всего ценил яркие обертки — фантики, заводные автомобили и турник посреди двора. Я вышел из театра мечтателем. Меня перестали удовлетворять зримые, очевидные признаки вещей, ведь я узнал, что у них есть скрытая суть — душа. На самом деле то было открытие души в себе самом. Такое открытие постигает рано или поздно каждого, ну, почти каждого — разве мало знаем мы людей, спокойно обходящихся без того незримого, невесомого и тяжкого, как непосильная ноша, что называется душой? Открытие бывает внезапным или постепенным, порой растягивающимся на годы, меня же оно поразило, как молния, и сделал это Московский Художественный театр. Поэтому на вопрос, что значил МХАТ в моей жизни, я могу ответить просто: все. Он дал мне душу.

Но, оказывается, в отличие от персонажей «Синей птицы», обладающих одной постоянной душой: сладкой, как у Сахара, сдобной, как у Хлеба, текучей, как у Воды, — человечья душа меняется, можно подумать даже, что есть первая душа, вторая, третья... И вторую душу дал мне МХАТ, когда через несколько лет я попал на пленительных «Трех толстяков», где героическое, воплощенное в Просперо и Тибуле, как изящно и естественно сочетается с нежной тайной, связавшей куклу-девочку Суок с наследником Тутти, где безумно смешные учитель танцев Раздватрис и продавец шаров, бессильный сопротивляться многоцветной гроздь, тянущей его в небо, не мешают тихой, мудрой доброте доктора Гаспара Арнери (как изумительно играл его молодой, худой Яншин!), где веет гротескной жутью от трех бочкообразных властелинов страны, не попавшей на карту, но прочно существующей верой детских сердец.

И третью душу дал мне МХАТ — близкую той взрослой, с которой я пустился в широкий мир: «У врат царства» с Еланской и Качаловым — это был не спектакль, а откровение, я узнал, что нет ничего волшебнее человека и нет заманчивей тайн, чем те, которые он несет в себе.

Но это еще далеко не все, что сделал для меня МХАТ. Ведь были и «Дни Турбиных», и «Царь Федор Иоаннович», и тот юбилейный спектакль «На дне», где я увидел всех первых исполнителей (кроме умершего Грибунина) во главе со Станиславским. МХАТ продолжал строить и обновлять мою душу вплоть до самой войны.

После войны театр уже не значил столь много в моей внутренней жизни, передав свои полномочия литературе, отчасти — кино, но это факт моей биографии, за который театр ответственности не несет. А МХАТу — спасибо!

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ. *В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.*

В. В. ЕРМИЛОВ,
слесарь завода «Красный пролетарий», Герой Социалистического Труда

НАША ДРУЖБА

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ МХАТа Станиславский и Немирович-Данченко одной из главнейших задач его считали служение народу. С первых же спектаклей МХАТ пользовался особой популярностью у демократического зрителя, был понятен и доступен самому простому человеку. Со временем МХАТ расширяет свои связи с народом, организует всевозможные виды шефства. А в 1950 году МХАТ заключает договор о социалистическом сотрудничестве с московским заводом «Красный пролетарий». Это было началом нашей необычной дружбы — знаменитый театр и завод.

Теперь для каждого из нас это не просто МХАТ, а НАШ ТЕАТР. Многие на «Красном пролетарии» из были особыми театралами, в том числе и я. Но после частых встреч все мы полюбили МХАТ, с большим интересом стали относиться к каждому новому его спектаклю. И в этом прежде всего заслуга самого театра. Художественный приглашает нас на все генеральные репетиции своих предстоящих премьер. После просмотра бывают обсуждения. Проходят они в атмосфере дружеской и непосредственной. Желающих выступить много. Наши мнения, наша дружеская критика всегда выслушиваются с интересом, с уважением. Радует нас, что МХАТ много внимания уделяет производственной теме, стремится показать ее современные конфликты, достоверные ситуации, правивые характеры и отношения сегодняшних рабочих. Это мы отмечали на обсуждении спектаклей «Сталеварыи», «Заседание парткомиа», «Обратная связь».

С самого начала нашей дружбы очень много дают нам и личные контакты с артистами Художественного. За эти годы состоялось более 600 творческих встреч мхатовцев с нашим коллективом. Совместно проводим мы все праздники, юбилеи. Наша театральная студия при клубе завода считает себя счастливой. Руководит ею В. Книппер, шефствуют над ней МХАТ и Школа-студия при МХАТе.

Естественное желание понаблюдать за прославленными артистами в жизни, сравнить их самих с сыгранными ими героями незаметно переходит в воспитательный процесс, в процесс духовного обогащения. Ведь каждый из них — Степанова, Зуева, Массальский, Прудкин, Ефремов, Евстигнеев, Попов — личности значительные и яркие. Все они люди высокой культуры, воспитания, образованности, привлекает и их человеческая естественность и простота. Все это порождает стремление к собственному совершенствованию.

Всегда с благодарностью к каждому мхатовцу вспоминаю я свое 60-летие, ко мне приехали артисты НАШЕГО ТЕАТРА и вручили юбилейный адрес — самый дорогой для меня подарок. А теперь по случаю восьмидесятилетнего юбилея МХАТа я хочу пожелать ему вечной молодости, больших творческих достижений и дальнейшего укрепления нашей дружбы.

Марис ЛИЕПА,
народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

ВЕРЕН СВОИМ ТРАДИЦИЯМ

В НАШЕ время, пожалуй, каждый художник в творчестве своем в той или иной степени находится под влиянием МХАТа. Художественный театр — это огромное явление в искусстве сцены, эпоха в его становлении. Думаю, в этом плане МХАТ можно сравнить с передвижниками в живописи, с «Могучей кучкой» в музыке. Ибо художественное наследие театра, его спектакли, их сценические образы хотя и были недолговечны в силу специфики театрального искусства, тем не менее заняли прочное место в культурном наследии, создали театральную классику, традиции. И, говоря об отдельных спектаклях МХАТа, о его актерах и режиссерах, нельзя забывать, что это лишь часть от целого.

С 1953 года я живу в Москве и с тех пор бываю на МХАТе. Примерно в то же время я близко познакомился с С. Г. Бирман. Она уже не работала в Художественном, но по своей человеческой, творческой сути была настоящей мхатовской. Серафима Германовна много рассказывала о знаменитом театре, о его создателях, актерах, о своей работе с ними. Это было необычайно интересно. Притом ее влюбленность в театр, ее одержимость своей профессией, принципиальность художника и человека, страстность во всем не могли не нравиться, не увлекать за собой. Спектакли же МХАТа были необыкновенно впечатляющи и в целом, и в каждой сыгранной роли. Замечательные актеры Художественного — Андровская, Еланская, Тарасова, Яншин, Ливанов, Массальский и все другие — в своих ролях словно навсегда запечатлевались в памяти. И через много лет неожиданно можно вспомнить любого из них в какой-то момент роли, отчетливо вспомнить жест, интонацию, даже актерскую паузу. Как удиви-